

В четвёртый год эры Аньпин Великой Чу Ду Чжунпин, держа на руках двух с половиной летнего племянника, поклонился в родовом храме перед табличкой третьего господина семьи Ду. С этого дня он официально стал приёмным сыном третьей ветви рода. Он же велел племяннику Ду Шанцзиню называть себя «батюшкой» и вместе с молочным братом Ду Анем перебрался в небольшой дом, что прежде принадлежал третьей ветви, чтобы начать там новую жизнь. Из второй ветви он взял с собой лишь приданое своей покойной матери и невестки. Со стороны казалось, будто он ушёл с пустыми руками, и в разговорах за чаем люди лишь вздыхали, жалея его участь.

Ду Чжунпину было всего четырнадцать лет, и по рождению он был законным сыном второй ветви. У него имелся старший брат, Ду Бопин, который был на восемь лет старше его. Пока была жива мать, в семье царили мир и согласие, но после её кончины отец женился вновь, и жить стало труднее. Всё же благодаря заботе старшего брата Ду Чжунпин не оставил учёбу. Когда же мачеха родила собственного сына, а брат с невесткой внезапно скончались, оставив на его попечение лишь маленького племянника, жизнь стала невыносимо тяжкой. Все верные матери слуги были к тому времени распущены, и рядом с юношей оставался лишь его молочный брат Ду Ань, который был на четыре года старше. Говорят: «Появилась мачеха — и отец стал чужим». Эти слова оправдались сполна. Семья Ду была купеческой, порядки в ней соблюдали нестрогие, да и многолетние войны и смуты отвлекли всеобщее внимание. Поскольку со стороны матери у Ду Чжунпина родни не осталось, второй господин Ду, поддавшись уговорам жены, усыновил его в третью ветвь семьи.

На третий год эры Аньпин Великой Чу неподконтрольными оставались лишь окраинные земли. После долгих лет войн страна оскудела талантами, и новая династия официально возобновила систему государственных экзаменов для отбора чиновников. Ду Чжунпин тайком разыскал двух бывших однокашников брата, чтобы те поручились за него, и, словно вор, прокрадываясь, выдержал пять уездных и три префектурных экзамена. Не успев сдать два академических испытания, он был отдан в приёмные сыновья третьей ветви. Это даже пошло на пользу: вместе с Ду Анем он продал всё, что не мог забрать с собой, и вся семья перебралась в главный город префектуры.

Когда в дом Ду явился вестник с известием, что Ду Чжунпин сдал экзамен и получил степень сюцай, родственники, отправившись его искать, обнаружили, что дом третьей ветви давно сменил хозяина.

Ещё в день усыновления Ду Чжунпин решил твёрдо: сдаст он экзамены или нет, но оставаться в семье Ду больше нельзя. Второй господин Ду, хоть и питал к нему некогда отеческую нежность, с годами под влиянием жениных намёков становился всё более пристрастным. После того как мачеха родила сына, даже старший законный внук Ду Шанцзинь стал ему в тягость. Не сдай Ду Чжунпин экзамен, отец, пожалуй, и глазом бы не моргнул, если бы тот с Цзинь-эрем умерли с голоду. А коль сдал — сюцай имел право на триста му земли, свободной от налогов, и освобождался от трудовых повинностей, не говоря уж о прочих льготах. Разумеется, отец не преминул бы этим воспользоваться.

Ду Чжунпин решил отправиться к генералу Юаню. Этот полководец прошёл с императором-основателем весь путь с севера на юг, но при раздаче наград сам попросился на северную границу — оборонять земли от кочевников. Был ещё генерал Му, который вызвался охранять Юньнань от местных племён. Император обрадовался и пожаловал генералу Юаню титул Чжэньбэй цзянцзюня (Подавляющего северного генерала), а генералу Му — титул Аньнань цзянцзюня (Умиротворяющего южного генерала), оба титула с правом наследования. Поскольку на севере было мало населения, государь дозволил генералу Юаню набирать людей для освоения целинных земель. Край Яньбэй славился суровым климатом, зима длилась там

добрых полгода, поэтому в основном к генералу стекались беженцы да переселенцы.

Получив степень сюцай, Ду Чжунпин оформил в управлении все необходимые для пути бумаги и отправился в Яньбэй. Как раз в это время один из отрядов генерала Юаня вёл на север партию новобранцев, и юноша примкнул к ним. Большинство ехавших в Яньбэй были те, кому на юге жилось невмоготу и кто надеялся получить там землю. Такие, как Ду Чжунпин, с повозкой, запряжённой мулом, да ещё и с осликом в придачу, сразу бросались в глаза.

А когда выяснилось, что хозяевами этого скромного обоза были юноша, почти отрок, да полувзрослый парень с малышом на руках, даже офицер, возглавлявший отряд, заинтересовался. Проверив их документы и узнав, что старший из юношей — новоиспечённый сюцай, все прониклись к ним уважением. Обладатель учёной степени уже не считался простолюдином и даже перед чиновником мог не становиться на колени. На юге, где учёность была в почёте, сюцай никого не удивлял, но после долгих лет войны грамотных людей поубавилось, а уж тех, кто отправлялся в Яньбэй, имея степень, и вовсе можно было по пальцам пересчитать. Поэтому сопровождавшие солдаты всю дорогу оказывали им особое внимание.

В пути Ду Ань правил повозкой, на которой покоился весь их скарб вместе с маленьким господином Ду Шанцзинем, а Ду Чжунпин ехал рядом верхом на ослике.

Когда вокруг никого не было, Ду Ань ворчал:

— С учёной степенью следовало бы земельку прикупить. Года через два-три, коли господин выдержит экзамен на цзюйжэня, и вовсе жить заживём. Кто ж бросает дом да хозяйство, чтобы в чужих краях скитаться? И как посмотрят в глаза тем недобрым людям? Господин всегда был таким рассудительным, что вдруг запальчивость на него нашла?

Ду Чжунпин, тем временем дразня Цзинь-эра, отвечал:

— Я, братец, всё как следует обдумал, какая уж тут запальчивость! Ты думаешь, цзюйжэнем стать просто? На основах, что заложил покойный брат, я и в сюцаи-то выбился чудом. На юге учёность в почёте, поживи ещё год-другой, жизнь наладится — и ринутся все на экзамены толпами. А у меня ни денег на хорошего учителя, ни покровителей, которые бы рекомендовали. Как мне тягаться? Остаюсь я сюцаем, куплю землю, а та семья тут как тут — как уберечь? Нет, лучше на север. Я наводил справки: генерал Юань держит войско в строгости, а переселенцам раздаёт землю под пашню, только налоги плати исправно. На севере людей со степенями мало, местные власти к ним с почтением относятся, да и от той семьи подальше. Что в этом плохого?

Ду Ань замолчал, размышляя про себя, что его господин, хоть с виду и неприметен, на деле человек с характером: уж если что задумал, десять быков не своротит. Вот только на севере они ни разу не бывали, а слышать слыхали — холод там лютый. Неизвестно, каков у господина план, надо бы заранее подготовиться.

Собирался он было посоветоваться с Ду Чжунпином, но увидел, что тот уже усадил маленького господина и твердит с ним: «Люди в начале жизни по природе добры...» Голова у Ду Аня тут же заболела.

— Господин, вас самих-то учить начали, когда пять-шесть лет стукнуло. А нашему-то господину всего три годика, чего он поймёт? — И отправил «учителя» прочь.

С тех пор как Ду Чжунпин покинул дом Ду, он сбросил маску простоватого и недалёкого

юноши. Он давно решил убраться подальше от второго господина Ду. В нынешние времена, коли отец прикажет сыну умереть, сын должен покориться — особенно там, где много учёных. Как бы ни был отец нерадив, сыну приходится слушаться, не то сплетни заедят. Будь второй господин Ду человеком надёжным, Ду Чжунпин с радостью стал бы ему почтительным сыном, но раз уж надеяться не на что, лучше держаться от него подальше.

Пусть его и усыновили в третью ветвь, всё равно от отца можно было ждать какой-нибудь подвох. Уйти подальше — вот что спокойнее. Да и другие считали север гиблым местом, туда не ехали разве что от полной безысходности. А для него, Ду Чжунпина, это был край, где он прожил двадцать лет в прошлой жизни.

Он оставил себе на память лишь несколько вещей из приданого матери и невестки, а остальное обернул в звонкую монету. Пока жил в семье Ду, прикидывался бедняком и не тратил эти деньги, даже когда приходилось туго. На пути на север, проезжая через крупные города, Ду Чжунпин закупал семена, книги и прочее, что могло пригодиться, и складывал на повозку.

Путники торопились изо всех сил, и отряд достиг Яньбэя в самом начале осени.

По прибытии в Яньбэй всех переселенцев распределили по разным местам. Семью Ду Чжунпина определили в деревню у подножия горы Цинню, неподалёку от города Цзиньян.

Поскольку деревня в основном состояла из солдат, вернувшихся к мирной жизни, дома здесь были сложены из серого кирпича под красной черепицей, а дворы у каждого — необъятные. Староста выделил им усадьбу на восточном краю деревни.

Усадьба была огромной: и перед домом, и позади него участки земли тянулись на добрых один-два му. Вот только сам дом, хоть и кирпичный, состоял всего из трёх комнат.

Ду Чжунпин вошёл внутрь, неся на руках Цзинь-эра, а Ду Ань, привязав мула с осликом, последовал за ним. Из трёх комнат две — восточная и западная — были жилыми, и в каждой вдоль северной стены был сложен кан. В средней комнате, в её северной части, располагалась кухня с двумя очагами по бокам, соединёнными с канами в жилых помещениях. Посередине комнату разделяла невысокая стенка, отгораживающая кухонную часть, но не загораживающая свет. Переднюю же половину можно было использовать как кладовку или поставить там стол со скамьями — столовую. Комнаты были просторными и светлыми, но совершенно пустыми: ни единой палки мебели, даже каны голые, без циновок. Двор тоже стоял заброшенный, заросший бурьяном, с несколькими одинокими, невесть какими деревцами.

Только они задумались, как бы обставить жильё да разложить пожитки, как во двор вошёл староста, взвалив на плечо какой-то длинный свёрток, а за ним шла женщина, неся охапку сухой травы.

Ду Ань поспешил навстречу, чтобы помочь, но староста лишь отмахнулся:

— Не стоит, легко́. Циновка много ли весит?